

Харон и его команда

Независимая — 2002 — 19 апреля — с. 8.

Современные композиторы – лауреаты «Триумфа» и Юрий Башмет неравнодушны к мемориальным жанрам

Юлия Бедерова

Идея провести концерт современной музыки в серии, посвященной 10-летию премии «Триумф», принадлежала, как было торжественно объявлено со сцены, художественному координатору одноименного фонда Зое Богуславской. Так что доля светлых чувств по поводу величественного и мрачного набора сочинений композиторов-триумфаторов (Арво Пярта, Гии Канчели и Альфреда Шнитке) адресуеться организаторам – фонду «Триумф» и агентству «Краутерконцерт». Но точные очертания концертного сюжета, нарисовал Башмет – основной персонаж вечера, бывшего в целом сумрачным и парадным.

Разные афишные издания намекали на труднодоступность программы для широкой аудитории, но последняя оказалась сообразительней заботливых информаторов. Зал был полон и хорош на вид: по большей части довольно молод и обеспечен, в меру богемный, в меру светский.

Это просто: к примеру, Шенберг с Мессианом или Мосолов с Рославцем, как почти весь ортодоксальный авангард прошлого века, говорят на куда более эзотерическом наречии, чем авторы, чьи языки еще имеют репутацию остросовременных и необходимых. К тому же популярность Пярта, Канчели, Шнитке достаточно свежа и в то же время выдержана, чтобы собрать (особенно с участием Башмета) почтенный зал.

Первое отделение посвятили трем инструментальным крохоткам любимого поставангардом Арво Пярта, одной эмоциональной вещи главного позднесоветского автора Альфреда Шнитке и подробному инструментализму башметовского оркестра «Солисты Москвы» (фигурант – за пультом).

Второе отошло Госоркестру – одной, зато масштабной симфонической партитуре популярного и здесь, и в мире Гии Канчели и энергичным дирижерским жестам молодого петербуржца Александра Сладковского (главный фигурант – солирующий альт). Премьер (кроме презентации питерского дирижера) в наборе не было.

Все на сцене и напротив были преисполнены большого пietetа. Публика старалась не звонить, «Солисты» и Госоркестр – как можно тщательней озвучить ноты. Тем более что ось концертного сюжета прошла через грустное и возвышенное. Вся программа стремилась быть озаглавленной «Вечер памяти...».

Из трех ювелирных вещей Пярта основным номером был краткий, но великолепный мемориал Бриттену, добирался до него сквозь 121-й Псалом (тоже не радужный в обычном смысле содержания), потом – «Монолог» Шнитке, сыгранный в духе мемориала автору, и, наконец, «Стикс» Канчели со всеми предложенными названием смысловыми нюансами.

В перерыве кто-то спорил о том, откуда такой стойкий спрос на взвинченно-трагически-возвышенные монологи Шнитке, объясняется ли он только их музыкальными достоинствами. Моя версия – от того же, от чего огромное количество местных ртов с такой легкостью открывается, чтобы просто выдохнуть, как будто выбулькнуть, бессмысленно-магическую формулу «в это тяжелое для нас время».

В зале сидели живые Арво Пярт, чья карьера после скандальных – сперва авангардистских, потом поставангардных – дебютов 70-х уже в 90-е увенчалась роскошными успехами в Европе и тихой жизнью в Германии, и Гия Канчели, кроме кинохитов про «чито-гврито» и «кин-дза-дзу», регулярно умудряющийся мировые сцены своими печально-ироническими, пространными симфоническими ощущениями. Обоих то и дело исполняют лучшие руки мира. Так, «Стикс» Канчели недавно записан тем же Башметом на престижной Deutsche Grammophon. Оба при всей концентрации на высоком (ностальгическом-человеческом – в случае Канчели и строго религиозном – в случае Пярта) не лишены веселости – такой, что ли, особенной художественной стати. Но пяртовский бодрящий лаконизм и канчелиевское трогательное остроумие в тени сосредоточенного шниткианства приобретают подчиненный вид. А в программе, при всем ее

артистическом обаянии, начинают преобладать изысканно-погребальные краски.

«Fratres» Пярта в версии для скрипки и струнного оркестра (солистка – Елена Ревич, концертмейстер башметовского оркестра и обладатель молодежного «Триумфа» этого года) с неизменными средневековыми барабанчиками внутри приобрел то истовое романтическое напряжение, которого в нем автор, кажется, не предполагал. Он вообще-то в те революци-

нологе» все – от речей альты и оркестровых реплик до их отменного единения – было высказыванием.

Но главный приз дождался публику во втором отделении. Его центром оказался не собственно «Стикс» и не аттрактивный инструментализм солирующего Башмета, но презентация питерского дирижера.

По идее, «Стикс» – это огромные и кудреватые поля Эллиума. Громкое дыхание, столкновение, напластование, могу-

прелестно продается. Но здесь пока – почти всегда в нагрузку с благоговейным антуражем и трагическими соображениями.

Но это ей нисколько не идет. Ей пристало быть исполненной компанией софистицированных личностей, просвещенных граждан новомузикальных государств – в небезграничной (здесь и теперь) аудитории. Или же, наоборот, – набирать очки в шикарных залах со всей присущей ей и им веселостью. Потому что сколько ж можно и спро-

Юрий Башмет знает дорогу через Стикс.

Фото Михаила Циммеринга (НГ-фото)

онные времена – на переходе из 70-х в 80-е – исследовал и испытывал совсем другие звуковые, смысловые и структурные напряжения. «Fratres» – стопроцентный хит, но он так часто не выходит, что заметно, как его собственная простота с удовольствием ставит подножку всякому чуть замешкавшемуся исполнителю.

Другие пяртовские вещи тоже не избежали сильных влияний романтической концертной традиции. Хотя и в «Псаломе» и особенно в «Cantus» стала слышна самодостаточная дрожь музыкальных полей.

Зато совершенно адекватно – пронзительно и проникновенно – проговорил Башмет свой монолог о Шнитке. В «Мо-

чье движение разных атмосфер, звуковых событий и их следов. Причем внутри всеобщей величавости живет что-то простенькое, интимное, едва ли не тривиальное и очень трогательное.

Сладковский расчертил пространства «Стикса» шикарными заборами роскошных – практически равных по силе – кульминаций. Сыграл по-спортивному. Представлялось, за последним звуком раздастся «Yes! Мы сделали это!»

Стоит ли говорить, что внимание Башмета к современной (последних трех десятилетий) музыке, введение ее в большой (коммерческий) обиход – это благотворное и достойное огромного уважения поведение. Интригует другое. Эта музыка

су и предложению играть крапленными картами? Публика вполне способна потреблять опусы Канчели за их эффективную красоту, а не по причине всеобщей глубокой задумчивости. Вовсе не обязательно так называемой широкой аудитории быть способной расшифровывать нюансы стилевых концепций Пярта. Большому залу вполне достаточно волшебного артистизма пяртовских парадоксальных малышек. И за вычетом разной гремучки-духовки нежный, нервный стиль башметовского оркестра, пышный и пронзительный говор его альты и теперь не вялое, но, напротив, горделиво собранное звучание Госоркестра слушались бы только лучше. ■